

**«В центре сибирского мира благоденствую
под бдительной опекою полиции...»:
Письма Ф.И. Кнауэра из томской ссылки 1915–1917 гг.
Часть 1 (письма 1–7)**

Подготовка к публикации, предисловие и комментарии

Е.Н. Груздевой

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

DOI:10.17816/WMO46837

Впервые в научный оборот вводятся письма профессора Киевского университета лингвиста-санскритолога Федора Ивановича (Фридриха) Кнауэра (1849–1917), написанные им в 1915–1917 гг. коллеге-филологу В.Н. Перетцу и сохранившиеся в архиве (РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 35). Этот корпус писем представляет несомненное значение и интерес уже потому, что другого эпистолярного наследия ученого до нас не дошло. В немногочисленных письмах (их всего 21) отразилась личность автора, что позволяет хотя бы отчасти приоткрыть его внутренний мир. Биография Ф.И. Кнауэра, особенно ее последний период — период ссылки — имеет много «белых пятен», которые теперь частично можно будет заполнить. Хронология событий ареста, приезда в Томск и последующей жизни в Сибири записана рукой самого профессора и представляет почти непрерывное повествование. Несмотря на субъективность изложения, оно дает представление о взаимоотношениях опального ученого с его коллегами, друзьями, обывателями, чиновниками местных и центральных учреждений. Издаваемые письма — это документальное свидетельство трагедии честного человека, оказавшегося жертвой в сложный политический период. Прежде всего они ценны как биографический факт, как событийная летопись, но не меньший интерес представляют беглые зарисовки сибирского быта и нравов. В первой части статьи публикуются семь писем, остальные — в следующем номере журнала.

Ключевые слова: эпистолярное наследие, санскритолог Ф.И. Кнауэр, антинемецкая кампания 1914 г., политическая ссылка, Томск, Академия наук, В.Н. Перетц.

Статья поступила в редакцию 06.07.2020.

Груздева Елена Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник СПбФ АРАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 1 (elgru@rambler.ru).

© Груздева Е.Н., 2020

Трагическая судьба киевского санскритолога, профессора Университета св. Владимира Ф.И. Кнауэра была к концу XX в. забыта настолько, что из энциклопедий

исчезли даже сведения о дате его смерти. Усилиями историков его имя было возвращено из забвения, и на сегодняшний день почти полностью восстановлены биография и библиография ученого: ряд статей о Ф.И. Кнауэре принадлежит И.В. Черказьяновой (Черказьянова 2008; 2015; Черказьянова URL; Čerkaz'janova 2013); биографические сведения также собирал лингвист М.Ю. Гасунс, поместивший их в качестве приложения в репринтном переиздании учебника Ф.И. Кнауэра (Кнауэр 2015). Начало публикации архивных документов было положено в 2000 г.: в сборник материалов по истории Киевского университета (Справа 2000) вошли документы из киевских архивов и статьи из газет 1914 г. Однако личных документов Ф.И. Кнауэра известно очень мало: мемуаров он не оставил, а его эпистолярное наследие весьма скудно. Тем ценнее сохранившийся корпус писем Ф.И. Кнауэра к В.Н. Перетцу, охватывающих период со 2 февраля 1915 г. по 7 июня 1917 г. — самый трудный и трагический в жизни ученого.

Федор Иванович Кнауэр (Matthäus Friedrich Knauer) родился 3 августа 1849 г. на юге России в Бессарабской губернии (г. Сарата) в семье немца-колониста. Окончил Дерптский университет по специальности «сравнительное языкознание», затем совершенствовался в университете в Йене (Германия), где изучал санскрит, праkrit, немецкий, ведийский и авестийский языки. После успешной защиты магистерской и докторской диссертаций (в 1882 и 1884 гг.) он более 30 лет бессменно преподавал в Киевском университете, где вел занятия по сравнительному языкознанию индоевропейских языков, по санскриту, зендскому (авестийскому) и готскому языкам, возглавлял кафедру сравнительного языкознания и санскрита. В 1909 г. за 25-летний педагогический труд Ф.И. Кнауэр был удостоен звания «заслуженный профессор». Обучив не одно поколение студентов, он, и выйдя в 1912 г. на пенсию, продолжал преподавать в университете и на Высших женских курсах.

Как ученый Ф.И. Кнауэр оставил след не только в лингвистике, но также в археологии, которой увлекался в юности, и в востоковедении. Он участвовал в международных съездах ориенталистов: в 1902 г. в Гамбурге, в 1908 г. в Копенгагене и в 1912 г. в Афинах. Всеобщую известность ему принес «Учебник санскритского языка» (Лейпциг, 1908), на много лет ставший главным пособием для студентов-лингвистов.

Научные труды Ф.И. Кнауэра снискали ему уважение в ученых кругах. Российская Академия наук предложила ему подготовить к изданию древнеиндийские сутры, и профессор взялся за эту работу, но, отвлекаемый педагогической деятельностью, вынужден был ее прервать.

Он радовался успехам талантливой молодежи. Одно из немногих сохранившихся писем Ф.И. Кнауэра — открытка 1912 г., отправленная им в Петербург Льву Владимировичу Щербе в благодарность за присланную книгу — магистерскую диссертацию Л.В. Щербы «Русские гласные в качественном и количественном отношении». Тут же, в открытке, он дал краткий, но неформальный отзыв о прочитанной работе: «Боже мой, какие тонкости! Будто слышно, как трава растет! <...> Я... человек не без музыкального слуха, но в области фонетики чувствую себя какофоном». Желая Л.В. Щербе дальнейших успехов в науке и в разгоревшихся дискуссиях с другими фонетистами, Ф.И. Кнауэр заметил: кто «пожелал бы или мог бы быть судьей между вами, раз сама природа отказывается снабдить человека полным фонетическим инструментом?» (СПбФ АРАН-7. Л. 2). По-видимому, отзыв киевского профессора тронул Л.В. Щербу: не случайно эта открытка сохранилась в его архиве.

В.Н. Перетц познакомился с Ф.И. Кнауэром в 1903 г., когда начал преподавать в Киевском университете. Он с уважением отзывался о старшем коллеге, отмечая, что последний никогда не участвовал в университетских интригах и не заигрывал с молодежью. В начале 1905 г., в период обострения внутривнутриполитической обстановки в стране, Ф.И. Кнауэр в числе 35 профессоров Киевского университета подписал знаменитое письмо «Нужды просвещения (Записка 342 ученых)»¹. Подписавшие ее были озабочены тем, что «народное просвещение в России находится в самом жалком положении, совсем не отвечающем ни насущным потребностям нашей родины, ни ее достоинству», что политика правительства под влиянием соображений полицейского характера все больше тормозит развитие образования и науки.

Несмотря на участие в некоторых общественных движениях и организациях, Ф.И. Кнауэр всегда стоял вне политики. Однако волею обстоятельств он оказался вовлечен в антинемецкую политическую кампанию, захлестнувшую российское общество с началом Первой мировой войны в 1914 г.

Для лучшего понимания событий необходимо рассказать об их предыстории. Во время затянувшихся революционных волнений в 1907 г. профессор перевез семью в Германию, в знакомую ему Йену — чтобы переждать «смутное время» и дать возможность детям спокойно учиться. С тех пор он жил в Киеве один, ежегодно навещая жену и детей во время каникул. Когда сыновьям пришла пора выбирать высшие учебные заведения, стало ясно, что, не имея подготовки по русскому языку, они не смогут продолжить обучение в России. Да и к жизни в Германии все члены семьи уже привыкли. Тогда Ф.И. Кнауэр в 1911 г. подал прошение об увольнении сыновей из российского подданства, чтобы они в дальнейшем могли свободно выбрать гражданство. Ходатайство было удовлетворено в отношении младшего сына в декабре 1912 г., а в отношении старшего — в июле 1914 г. Хлопоты о принятии юношей в германское подданство в 1914 г. даже не начинались: решение этого вопроса было отложено до окончания войны (Справа 2000: 657–658, 660–663). Все годы Ф.И. Кнауэр регулярно высылал в Йену банковские переводы, поскольку семья полностью находилась на его иждивении.

Лето 1914 г. профессор, как всегда, проводил с семьей в Германии. Из-за начавшихся военных действий он оказался отрезанным от России, вынужден был возвращаться через Швецию и прибыл в Киев только 30 сентября 1914 г. Однако в Киеве на подъеме антинемецких настроений сразу началась травля ученого: на него писали доносы, клеветнически обвиняли в германофильстве, в том, что его сыновья воюют в немецкой армии против России, что он пересылает врагу российские деньги... Опираясь на подобные «факты», некоторые университетские коллеги требовали увольнения профессора-«изменника». Попечитель учебного округа, согласно указанию министерства, предложил Ф.И. Кнауэру подать рапорт о болезни и «не появляться ни в университете, ни на Киевских высших женских курсах во все время войны» (Справа 2000: 659). Написав требуемый рапорт, Ф.И. Кнауэр с 24 ноября 1914 г. остался без лекций.

¹ Впервые под таким заголовком это открытое письмо появилось 19 и 20 января 1905 г. в столичных газетах «Наши дни» и «Наша жизнь». В разгоревшейся полемической кампании публикацию чаще называли просто «Запиской 342 ученых». «Записка» неоднократно перепечатывалась разными газетами и журналами. Название немного варьировалось (см., например: Записка 1905). К сожалению, автограф Ф.И. Кнауэра был прочтен неверно, и во всех публикациях «Записки» допущена опечатка: его фамилия напечатана как *Кноцерь*.

В.Н. Перетц, возмущенный происходившим и сочувствовавший опальному профессору, пытался оказать ему помощь: писал в Петроград в Академию наук, спрашивая, не найдется ли какое-нибудь поручение — чтение курса лекций или научная работа: «...это — человек в России редкий, знающий прекрасно санскрит (а кто его знает, кроме Кнауэра и Ольденбурга?)» (СПбФ АРАН-5. Л. 82 — 83 об.). А вскоре он с тревогой сообщал, что накануне в квартиру Ф.И. Кнауэра явились пристав, околоточный и городовые, «произвели обыск и, хоть ничего компрометирующего не нашли, сделали опись его книгам и рукописям (воображаю, что пристав и К^о поняли в его санскритских рукописях!) и вчера же взяли под арест в Лыбедский участок. Ему угрожает высылка в Томск или Самару — 65-летнему старику! Одному из немногих знатоков санскрита, всегда за тысячу верст бывшему ото всякой политики! <...> Кажется, пенсии можно лишить только по суду; но никакой суд не дерзнет обидеть бедного старика, неповинного, как агнец. Кого просить заступиться за него? Не знаю, что и придумать» (Там же: Л. 77 — 77 об.). Стараясь помочь коллеге, В.Н. Перетц обращался в редакции газет с требованием напечатать опровержение клеветническим измышлениям о профессоре и его семье, направил письмо в МНП с призывом о заступничестве, нанес визит киевскому губернатору, прося об облегчении положения арестованного. Но все предпринятые меры оказались безрезультатны. 7 января 1915 г. киевской городской полицией было выписано на имя Ф.И. Кнауэра проходное свидетельство для отправки в Томск, и на следующий день профессор покинул Киев.

В Сибири ученый провел почти три года. Сначала местом его ссылки был определен уездный город Каинск. Но свидетельство местного полицейского врача об имеющихся у осужденного серьезных заболеваниях и энергичная кампания Академии наук в поддержку Ф.И. Кнауэра, организованная в Петрограде В.Н. Перетцем^{II}, помогли добиться изменения места его проживания на Томск — город университетский, хотя и без историко-филологического факультета.

Однако в Томске киевский профессор не нашел поддержки: клеймо политического ссыльного отпугивало от него и немногих прежних знакомых, и администрацию университета. Ему не только не позволили вести занятия, хотя бы частные, но и отказали даже в допуске в университетскую библиотеку. Поскольку еще в Киеве на имущество и пенсию Ф.И. Кнауэра был наложен арест, лишение возможности заработка в Томске обрекало его на верную смерть. Но он не поддавался панике, не жаловался, не искал виноватых, упрямо и настойчиво добивался изменения своего положения: обращался во все инстанции с просьбами пересмотреть дело, смягчить условия ссылки, снять арест с пенсии. Моральную и материальную поддержку ссыльному оказывали отдельные бывшие коллеги и ученики из Киева и Петрограда. В.Н. Перетц сумел организовать материальную помощь от «Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым» (больше известного как «Литературный фонд»). Он же призывал ученых высылать в Сибирь книги, соответствующие интересам санскритолога, на этот призыв откликнулись Л.В. Щерба и академик К.Г. Залеман.

Неожиданным и взволновавшим профессора сюрпризом стал приезд в Томск его бывшего киевского магистранта Бориса Ларина. Юноша приехал заниматься под непосредственным руководством учителя ведийским языком, привез книги, подар-

^{II} По просьбе академиков об облегчении участи сосланного ходатайствовал президент АН великий князь Константин Константинович.

ки (кофейник со всеми принадлежностями). Их ежедневные занятия давали профессору ощущение нужности, полезности, совместные прогулки и беседы обращали к прошлой киевской жизни, общим знакомым, само присутствие гостя наполняло дни одинокого старика радостью. Расставаясь, он не предполагал, что Б. Ларин совершит столь далекую и трудную поездку еще раз, но через год тот снова приехал в Томск, и совместные занятия продолжились. Хотя профессор к тому времени уже частично ослеп, это нисколько не мешало работе, и по возвращении в Киев Б. Ларин представил в университет отчет с приложением собственных переводов ведийских гимнов.

Несмотря на безрезультатность всех ходатайств, на быстрое ухудшение здоровья и безденежье, Ф.И. Кнауэр сохранял достоинство. Он уповал на окончание войны и заключение мира, которые должны были положить конец его ссылке. Февральская революция 1917 г. неожиданно ускорила ход событий. Получив вместе с амнистией разрешение вернуться в европейскую часть России, профессор начал собираться в дорогу. Но проволочки томского комиссариата и затянувшееся оформление паспорта привели к тому, что долгожданное разрешение Украинской народной республики вернуться в Киев, отправленное 30 декабря 1917 г., адресата уже не застало. Ф.И. Кнауэр умер 22 декабря 1917 г. в Томске и там же был похоронен 27 декабря 1917 г. (ГАТО-2. Л. 335 об. — 336).

Эта смерть осталась незамеченной и в Киеве, где прошла большая часть жизни профессора, и в Петрограде. К чести профессора В.Н. Перетца надо сказать, что он как раз в конце 1917 г. выехал из голодного Петрограда в Самару, где оставался до 1921 г. Написанный Б.А. Лариным некролог ученому (вероятно, единственный) так и не был опубликован^{III}.

О сибирской ссылке киевского профессора рассказывают публикуемые письма Ф.И. Кнауэра, сохранившиеся в РГАЛИ в архиве В.Н. Перетца (РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 35). Их немного — всего 21 письмо за два с небольшим года, и они дают представление об условиях жизни и занятиях ссылного, о круге его общения.

Публикация осуществлена с рукописных подлинников. Орфография и пунктуация текста приближены к современным нормам. Нумерация писем определена публикатором в ходе подготовки к изданию, так как в архивном деле хронология писем нарушена. Даты даны по старому стилю (кроме оговоренного случая). Сокращенные слова, не имеющие другого толкования, дополнены без оговорок. Очевидные описки исправлены без оговорок. Авторские подчеркивания сохранены. В квадратные скобки заключены слова, прочитанные предположительно, неразобранные слова отмечены особо: [нрзб.]. Приписки автора писем, как и пометы, сделанные на письмах В.Н. Перетцем, отмечены по их месту звездочкой (*) и приведены после основного текста письма.

^{III} На заседании Отделения русского языка и словесности (далее — ОРЯС) АН 2 октября 1919 г. был рассмотрен некролог Ф.И. Кнауэру, написанный Б.А. Лариным, и принято решение «препроводить» его Е.Ф. Карскому для опубликования в «Русском филологическом журнале» (СПбФ АРАН-1. Д. 166. Л. 336 об.). Однако журнал возродить не удалось, и судьба рукописей из «редакторского портфеля» остается неизвестной.

**Письма Федора Ивановича Кнауэра
к Владимиру Николаевичу Перетцу**

1

[Л. 2–3 об.]

Каинск, 20/II 1915

Дорогой, глубокоуважаемый Владимир Николаевич!

Ваше письмо от 8 сего месяца достигло меня вчера в день освобождения¹. Пусть это будет хорошим признаком и для моего освобождения! Я знал, что Вы не забудете обо мне; но то, что Вы предприняли, представляется мне подвигом, какого я не ожидал, о каком мне даже не могло сниться. Сердечное спасибо и низкий поклон Вам да Шахматову² и Щербатскому³, и всем принимавшим участие в том или другом направлении. Результаты, добытые Вами, мне кажутся не такими маловажными, как Вы по скромности изволили их изображать; напротив, уже то обстоятельство, что Вы в составе депутации обратились к товарищу министра внутренних дел⁴, а другие академики с вице-президентом во главе — к Президенту Академии наук великому князю⁵, имеет для меня громадное значение; ведь видеть, что я уже не такая заброшенная тряпка, на которую можно сколько угодно плевать, раз интересуются моими делами такие великие представители науки, как академики, даже с великим князем во главе! Я чрезвычайно тронут и несказанно признателен. Даром Ваши шаги, во всяком случае, не пропадут; рано или поздно они повлияют в том или другом отношении.

¹ Имеется в виду День освобождения Болгарии: 19 февраля 1878 г. был подписан Сан-Стефанский мирный договор между Россией и Османской империей, вернувший Болгарии государственную независимость.

² Шахматов Алексей Александрович (1864–1920) — филолог-лингвист, историк языка, академик ИАН (1897), председательствующий ОРЯС АН.

³ Щербатской Федор Ипполитович (1866–1942) — востоковед, профессор Петербургского университета (1909–1930), член-корреспондент ИАН (1910).

⁴ Обратиться к товарищу министра внутренних дел В.Ф. Джунковскому было решено после бесполезного визита В.Н. Перетца к киевскому губернатору Н.И. Суковкину, уклонившемуся от любых действий в пользу Ф.И. Кнауэра. А.А. Шахматов писал Ф.Е. Коршу: «Сегодня пришлось претерпеть большую неприятность. Щербатской, Перетц и я решили поехать к Джунковскому хлопотать за Кнауэра, сосланного в Нарымский край. Джунковский ничего о деле Кнауэра не знал. Это распоряжение военных властей. Но когда Перетц изложил известные ему обстоятельства, которые в наших глазах оправдывают вполне Кнауэра, <...> — Джунковский заявил, что ему очевидно теперь, что с Кнауэром поступили совершенно правильно. Тот факт, что его сыновья германские подданные, делает его подозрительным, а подозрительных немцев ссылают в Томскую губернию — и только туда. Ни научные заслуги Кнауэра, ни его преклонный возраст никакого значения в глазах такого человека, как Джунковский, не имеют» (ОР РГБ. Л. 15 об.–16).

⁵ В январе 1915 г. В.Н. Перетц инициировал письмо на имя президента АН вел. кн. Константина Константиновича, в котором изложил историю ареста Ф.И. Кнауэра. Он обращался с просьбой написать о судьбе санскритолога министру народного просвещения, «не найдет ли тот возможным исходатайствовать облегчение участи сосланного». Обращение подписали академики П.В. Никитин, А.С. Лаппо-Данилевский, А.А. Шахматов, В.Н. Перетц, М.А. Дьяконов, Ф.И. Щербатской, Н.Я. Марр, Н.И. Андрусов и В.И. Вернадский. В тот же день, когда было подано обращение, 21 января 1915 г., вел. кн. Константин Константинович написал министру, графу П.Н. Игнатьеву, и просил «ходатайствовать об облегчении участи» Ф.И. Кнауэра — переводе в Казань или в какой-либо другой университетский город, где тот мог бы продолжать свои научные занятия (РГИА. Л. 1–1 об.; СПбФ АРАН-2. Д. 45. Л. 32–34). Рескрипт великого князя возымел действие: МНП снеслось с МВД, которое дало распоряжение перевести Ф.И. Кнауэра в Томск, о чем и было сообщено великому князю уже 28.02.1915 (РГИА. Л. 3–3 об.).

Что касается «измены»⁶, то о ней впервые заговорил попечитель Киевского округа на приеме, на котором он потребовал от меня, немедленно подать рапорт о временном освобождении от исполнения обязанностей в Университете и на В.Ж.К. по болезни. Тогда именно (24/XI 15) он в заключение сказал «не как попечитель», а так, «между нами», что считает мой поступок «изменой», против чего я возразил «протестую против такого обвинения» и повторил «энергично протестую». Гнусное слово «измена», однако, пошло дальше, сделалось, очевидно, лозунгом для известной недоброжелательной сферы и застряло наконец даже в голове упомянутого товарища министра. Значит, если пользуешься правом, дозволенным законом, далее решением инстанций всех ведомств, включительно военного министерства, и наконец Высочайшей милостью⁷, то совершаешь преступление «измены», за которую собственно ссылаются на каторжную работу люди, провинившиеся в ней. И выходит, что мне оказали неслыханное снисхождение, выслав только в Каинск из Киева!

Да, мое место жительства теперь уездный городок Каинск Томской губернии, 12 верст от станции Сибирской ж.д. Каинск. Утверждают, что имеется министерское распоряжение никого из сосланных не оставлять в Томске; так и меня не оставили там⁸, и слава богу, что меня не выслали в какую-нибудь отдаленную деревушку, куда многие сотни верст на санях в суровую зиму должны отправляться, и хорошо еще если не по этапу, а на собственный счет. Я должен был покинуть Томск в субботу 14-го с.м., мог ехать по железной дороге до ст. Каинска, а отсюда имел проехать на место моего назначения лишь двенадцать верст на санях, причем ухабы не давали мне особенно мерзнуть, тем менее, что был защищен от метели, правда, паршивой, но достаточно теплой еврейской шубою. Собственной шубы не имею и не купил себе; одет я здесь как в Киеве, хожу по городу в легком пальто даже при 30 градусах Реомюра⁹. Погода, впрочем, в общем сравнительно мягкая, 20 градусов считается неважной, и действительно, мне самому казалось, что здесь 20 градусов менее чувствительны, чем 10 в «России». Ну, а теперь весна скоро на дворе! Каинск называют еврейским городом (жителей около 6–7 тыс.), но прибавляют, что сибирские евреи уже не «российские». Все равно, я устроился здесь хорошо, занимаю комнату у местной учительницы, очень милой и внимательной, обедаю в «Собрании», а утром и вечером получаю самовар и покупаю для еды сам, чего нужно. За комнату в месяц уплачиваю 12 руб., столько же за обед и за остальное рублей 10; таким образом, живу дешево, тогда как Томск обошелся мне дорого¹⁰. Есть тут даже женская гимназия, развивающееся реальное училище, публичная библиотека, банки и пр. Магистр

⁶ Обвинения в измене сводились к двум пунктам: 1) исключение сыновей из российского подданства и якобы их участие в войне в составе германской армии; 2) отправка денег в Йену на содержание семьи. Клеветники утверждали, что Ф.И. Кнауэр поддерживает германцев.

⁷ Поскольку старшему сыну Ф.И. Кнауэра на момент подачи ходатайства было уже более 15 лет, процедура рассмотрения ходатайства потребовала принятия решения на высочайшем уровне.

⁸ По приезде в Томск Ф.И. Кнауэр 17 января 1915 г. подал прошение губернатору, чтобы его оставили в губернском центре, где он мог бы продолжать научную и педагогическую работу, и 21 января подкрепил свое прошение медицинским свидетельством, подтверждавшим его слабое здоровье (ГАТО-1. Л. 15–18). Однако решением властей был отправлен в Каинск, куда и прибыл 16 февраля 1915 г.

⁹ Температурная шкала Реомюра в XIX — начале XX в. использовалась наряду со шкалой Цельсия, впоследствии вышла из употребления. Принято считать, что 1°R соответствует 1,25°С. То есть: –30°R = –37,5°С; а –20°R = –25°С.

¹⁰ В Томске в ожидании решения губернатора с 17 января по 10 февраля 1915 г. Ф.И. Кнауэр жил в гостинице «Россия» (современный адрес: пр. Фрунзе, д. 6).

Глейе¹¹ в Томске одолжил мне грамматики арабскую, древнееврейскую и армянскую: вот моя научная библиотека, не хотел я больше; надо же читать еще газеты и кое-что другое для убивания времени. Скуки пока нет, но, наверное, будет. Ищу, впрочем, еще шахматиста, а может быть, пушусь еще в винт, но не иначе как только по очень малому. Предложение моих бывших слушателей меня крайне тронуло; но брать что-нибудь от бедных студентов я с глубокою благодарностью за редкое и весьма трогательное внимание решительно отказываюсь. Пока я деньгами достаточно снабжен, и хотя потерял тысячи, но могу еще жить! О печальной истории Грушевского¹² я слышал еще в Киеве — *habeant sibi*¹³!

Жму Вам руку крепко, Ф. Кн.

Адрес: В г. Каинск Томской губернии, Уз[кий] пер. в собственном доме преподавательницы Л.М. Малыгиной для Ф.И.К.

2

[Л. 4–5 об.]

Каинск 14/IV 1915

Глубокоуважаемый Владимир Николаевич!

Боюсь, что мое последнее письмо не дошло до Вас. Оно было адресовано на имя Вашей супруги «для В.Н.» и могло быть в Ваших руках 17-го марта. На Пасху я получил поздравительную телеграмму от своих «преданных учениц»; других сведений из Киева уже давно не имею. Что происходит в университете и на В.Ж.К., не знаю; даже Адольф Израилевич¹⁴, которому я писал не раз, на все молчал. Вы сообщили, что Вы хворали в Петрограде; надеюсь, что Вам удалось совершить свою поездку и что Вы теперь опять находитесь в столице здоровым.

На прошлой неделе я наконец был уведомлен официально, что мне разрешено жить в г. Томске¹⁵. Я немедленно просил выдать мне проходное свидетельство и жду

¹¹ Глейе Артур Карлович (1867–1937) — филолог, выпускник Юрьевского университета (1891). В 1901–1920 гг. жил в Томске и преподавал в университете (приват-доцент). Был известен как шахматист. После возвращения в Латвию стал школьным учителем немецкого и латинского языков.

¹² Украинский историк, публицист и общественный деятель, один из лидеров украинского национального движения М.С. Грушевский (1866–1934) был арестован в Киеве 28 ноября 1914 г., ему угрожала высылка из Юго-Западного края в глубь России на время военного положения.

¹³ По-видимому, имеется в виду *Habeat sibi* (лат.) — букв.: пусть себе владеет; пусть с этим и остается; *здесь*: поделом ему; и бог с ним.

¹⁴ Сонни Адольф Израилевич (1861–1922) — филолог-классик, профессор Киевского университета, ВЖК, Вечерних высших женских курсов А. Жекулиной.

¹⁵ Собственные прошения Ф.И. Кнауэра и ходатайства за него академиков наталкивались на противодействие со стороны представителей государственной власти. Так, томский губернатор В.Н. Дудинский 28 февраля 1915 г. телеграфировал в Петроград директору Департамента полиции: «Равно ввиду того, что Кнауэр за короткое пребывание <в> Томске стал уже сближаться <с> местной профессорской средой, что, проживая здесь, он, несомненно, будет стремиться занять несоответственное званию ссыльного положение и что, наконец, пребывание Кнауэра <в> университетском городе значительно осложнит деятельность органов надзора, прошу оставление его <в> Каинске» (ГАТО-1. Л. 29). Однако заступничество великого князя Константина Константиновича оказалось решающим: в ответ на свою телеграмму губернатор получил от Департамента полиции (со ссылкой на приказ В.Ф. Джунковского) секретное распоряжение «к немедленному переводворению заслуженного ординарного профессора Университета Св. Владимира Фридриха Кнауэра из г. Каинска в г. Томск» (Там же. Л. 30). Бумага была получена канцелярией губернатора 24 марта 1915 г., но она лишь подтверждала информацию, опубликованную еще 19 февраля в «Новом времени». Не получая никаких

до сих пор ответа, после которого я перееду туда при всяких условиях. Если получу отказ, то я накажу своего «проводника офицерского чина» тем, что поеду в III классе. И так, я буду жить в «университетском городе» без историко-филологического факультета, без необходимых книг и без занятий. Гора родила мышь, но и за это спасибо; мышь все-таки живое существо, а не мертвое, как Каинск. Сделаюсь полным сибиряком и никого уже не увижу ни в «России», ни в Европе. Буду жить без собственных средств и питаться воздухом, когда чужие истощены; погибну я с семичленной семьей*¹⁶, что за дело до администрации? Она достигла своей цели и баста! Невольно возникают подобные мысли; пока, однако, я еще жив, здоров, бодр и жду чуда.

Недавно я подал прошение на имя моего ректора¹⁷, возбудить ходатайства:

1) о допущении меня к чтению лекций с осени в университете и на В.Ж.К., для чего предварительно можно подвергнуть меня баллотировке как в историко-филологическом факультете, так и в совете университета и В.Ж.К.;

2) о разрешении мне жить в Киеве;

3) о снятии секвестра, наложенного на мои сбережения, имущество и пенсию.

Вы удивляетесь моей наивности, и действительно, кроме отрицательного или уклончивого ответа я сам ничего не ожидаю; но *mögen sie Farbe bekennen*¹⁸! Для меня важно выяснить свое положение в будущем, насколько это теперь возможно. Предвижу, что приду в отчаянное положение. Хотя имею некоторое право на существование, но если желают меня окончательно погубить, то пусть это сделают как можно скорее; меньше будет для меня страданий. А впрочем, как Богу угодно!

Больше всего я страдаю при мысли, что провожу драгоценное время совершенно бесцельно и без всякой пользы для печатной науки. Мои книги, рукописи и бесчисленные научные карточки — [они] валяются там в пыли и гниют даром. Перевезти их сюда не могу уже потому, что и на них наложен арест, как и на все остальное, и освободить их от ареста никто не смеет, так как администрация должна торжествовать, иначе она потеряла бы смысл. Остается для меня еще одно только: назначить меня временным представителем открываемого Томского историко-филологического факультета¹⁹. При сибирском жалованье это было бы недурно, и я мог бы при таких условиях выполнить свои задачи даже перед Академией наук²⁰. Как видите, у меня начинает действовать уже *Galgenhumor*²¹, т.е. юмор перед виселицей.

известий от томского губернатора, Ф.И. Кнауэр 1 апреля 1915 г. сам подал прошение о скорейшем переводе его в Томск.

¹⁶ На иждивении Ф.И. Кнауэра находились жена и шестеро детей — два сына и четыре дочери. В 1914 г. старшей дочери исполнилось 22 года, а младшей — 12; сыновьям — 20 и 18 лет. Жена и дочери оставались подданными России.

¹⁷ Имеется в виду ректор Киевского университета Св. Владимира. Прекратив занятия «по болезни», Ф.И. Кнауэр не был уволен и оставался профессором университета.

¹⁸ *Mögen sie Farbe bekennen* (нем., перен.) — «пусть покажут свое лицо, раскроют свои карты».

¹⁹ Томский университет имел при своем основании в 1888 г. лишь один факультет — медицинский, к которому затем добавился юридический (в 1898 г.). После длительных переговоров и обсуждений Министерство народного просвещения согласилось открыть историко-филологический факультет, назначив это событие на 1 июля 1915 г.

²⁰ По поручению Историко-филологического отделения Академии наук Ф.И. Кнауэр еще в конце XIX в. взялся подготовить к изданию древнеиндийские сутры, напечатал две книги (*Das Mānavaśrautasūtra: Buch I–II, St. Petersburg, 1900–1901; Buch III–V, St. Petersburg, 1903*), но, отвлекаемый педагогической деятельностью, прервал работу. Оказавшись в 1914 г. отстраненным от занятий, он вновь вернулся к сутрам.

²¹ *Galgenhumor* (нем.) — «юмор висельника».

Мой томский адрес пока прежний: В г. Томск ул. Белинского 17, кв. 1. Лектору немецкого языка магистру А.К. Глейе для Ф.И.К.

Если хотите обрадовать меня, то напишите мне несколько строчек.

Кланяюсь.

Весь Ваш Ф. Кн.

P.S. Разрешение мне жительства в Томске последовало 16-го февраля, а официальную весть об этом я получил 4-го апреля: вот как быстро у нас совершаются дела!

* Вписано на полях: *в которой кроме меня все-таки еще пять душ русских подданных. Кстати, германское правительство высылает в Россию деньги своим подданным, которые раздаются им с разрешения русского правительства; а русское правительство не только ничего не дает моей семье по числу русских подданных, но и запрещает мне, русскому подданному, помочь ей. Не проще ли вместо ссылки просто выгнать меня из пределов русской империи и освободиться таким образом от всяких забот о нас?*

3

[Л. 6–8 об.]

Томск, 28/IV 1915

Многоуважаемый, дорогой Владимир Николаевич!

Спешу ответить на Ваше дружественное и утешительное для меня письмо от 20 сего месяца. Вы «очень удивляетесь», почему я своих рукописей не взял с собою. Ох, Владимир Николаевич, Вы, слава Богу, еще не испытывали на собственной шкуре, как действует жандармская администрация. Врасплох застигнут Вас, объявят Вас арестованным, наложат секвестр на все, обяжут хозяина сохранять Вашу мебель, книги, рукописи и научные материалы в целости, позволят Вам спешно забрать на дорогу лишь самые необходимые вещи, увезут Вас вместе с ними в участок, продержат Вас там две недели²², выпуская Вас лишь на часик гулять в сопровождении городского, и то не каждый день, вызовут Вас, наконец, в городскую полицию, где Вы узнаете к вечеру, что Вы должны завтра вечером отправиться в путь в неведомую область за тысячи верст. Затем Вы поищете и купите корзинку, начнете укладывать вещи, поспешите в баню в защиту от грядущих вшей, поужинаете немножко, проведете ночь беспокойно; на другой день Вы станете собирать последние гроши у знакомых, обратитесь к губернатору с просьбою об отсрочке отъезда на два или три дня, напрасно — он даже не хочет видеть Вас, затем к военному начальнику с той же просьбою опять-таки напрасно, потому что неприемный день. Далее Вы побегае по широкому городу с одного конца до другого то пешком, то на извозчике, сделаете какие-то нужные покупки, позаботитесь о получении билета на проезд, зайдете в университет по делам, постараетесь наспех еще совещаться и проститься с приятелями, окончите укладку вещей для [голой] жизни — и вот день исчерпан, час пробил, и Вы поедете на вокзал. Скажите, пожалуйста, когда Вы успели бы при таких условиях еще разобраться в своих научных материалах, чего Вам нужно взять с собою, если бы даже позволено было сделать это, и чего не нужно? Одни рукописи не по-

²² Из Киева 28 декабря 1914 г. В.Н. Перетц писал А.А. Шахматову, что арестованного «профессора Кнауэра держат теперь в камере пристава — это некоторое внимание к его летам и чину. Но (на жалованье) на пенсию наложен арест!» (СПбФ АРАН-5. Л. 73 — 73 об.).

могли бы мне, так как я их не мог бы обрабатывать без значительного количества пособий, помещаемых не в одном ящике. Затем надо было подумать и о том, что меня высылают в Томскую губернию, и хотя все утверждали, что оставят меня в городе Томске, но я не имел никакой уверенности в этом и был прав. Полагаю, не будь моего возраста, меня, наверное, отправили бы зимою на сотни верст на санях, как других, в какую-нибудь деревушку, а не то в Каинск по железной дороге; а там в деревенской избе — что я мог бы сделать для науки? Да и мои книги вместе с рукописями могли бы пропасть! Теперь я с Вашей помощью опять сижу в Томске²³; но и здесь могу заниматься лишь побочными предметами. Сегодня я просил здешнего ректора²⁴ разрешить мне пользоваться университетской библиотекой. «Книгами?» — спрашивает он. «Да, книгами», — отвечаю я. «Книгами университетскими могут пользоваться только служащие при здешнем университете; посторонним лицам разрешается лишь при залоге в 25 руб.», — продолжает он. «Такой большой суммы у меня нет для этой цели», — ответил я, простился и ушел. Я состою еще членом Киевского университета, работал в разных заграничных библиотеках, выдавали мне там какие угодно книги и даже рукописи без всякого залога, выслужил я свой учебный век в России в университетской сфере, что знал и Томский ректор, которому я дал возможность подробно познакомиться со мною еще зимою до моего Каинского периода; и вдруг я «посторонний» человек, как любой другой [нрзб.]! При таком отношении я прошу Вас и Залемана²⁵ не высылать мне никаких книг; не зная где поместить их, не мог бы ими и пользоваться. Я ищу себе небольшую комнату за какие-нибудь 12–15 руб. в месяц при обстановке из столика, двух стульев и кровати, при обеде за 10–12 руб., и если мне удастся устроиться так по-студенческому, то я смогу прожить здесь на чужие деньги еще до нового года. Вы видите, что я пока еще богатый человек и не нуждаюсь в новой помощи. Поэтому благодарю я Вас за готовность помочь мне и в денежном отношении, отказываюсь от такой трогательной услуги с Вашей стороны; у Вас и без того достаточно забот обо мне. До осени я не унываю, а что потом будет, Бог ведает; до этого времени даже не будет у меня ни тоски, ни скуки. Тяжело только полное бездействие; как досадна лишняя трата времени! На днях я был у здешнего попечителя, просил о частных занятиях, если таковые найдутся; он как бы обещал позаботиться об этом, но вряд ли выйдет что-нибудь из этого, особенно в каникулярное время. Жду ответа Киевского ректора и пока не намерен обращаться к министру; да еще вопрос, имею ли я как поднадзорный право обратиться к нему прямо. Притом я не желал бы вернуться в Киев по приказу сверху без согласия местной профессуры, и само собою разумеется, что и министр не решился бы ей навязать меня. Я согласился бы на перевод в любое другое место, лишь бы дали мне возможность кое-что заработать. Я лично мог бы прекрасно жить на одной пенсии; беда только в том, что у меня еще большая голодающая семья, за которую я должен еще трудиться несколько лет, пока не выросли старшие дети для самостоятельной жизни. Дали бы мне полную свободу, выгнали бы меня даже из России, я при пенсии нашел бы хлеба и в чу-

²³ Ф.И. Кнауэр вернулся в Томск 22 апреля 1915 г. и на первых порах снова поселился в гостинице «Россия».

²⁴ Ректором Томского университета в 1913–1916 гг. был Михаил Федорович Попов (1854–1919) — медик, специалист по судебной медицине.

²⁵ Залеман Карл Германович (Генрихович) (1849–1916) — филолог-иранист, академик ИАН (1895), директор Азиатского музея АН (1890–1916).

жой стране; но быть прикованным в собственной, не давать мне зарабатывать, это уже так себе! Ну вот, Вы утешаете меня, мне самому охотно хочется верить Вашим пророческим словам, а поэтому живу пока бодро, не падаю духом и уповаю на Бога и справедливых людей, которых, к счастью, немало имеется.

Будьте здоровы, живите счастливо и сохраните добрую память о Вашем кланяющемся Вам Ф. Кн.*

* В конце письма помета карандашом рукой В.Н. Перетца: «Бедный Кнауэр!»

4

[Л. 9–9 об.]

Томск 7/V 15

Многоуважаемый Владимир Николаевич!

Только что получил от жены письмецо от 24/IV н. ст.²⁶, в котором она сообщает, что она уже в третий раз послала куда следует официальное удостоверение в том, что наши сыновья не находятся в германском подданстве и не сражаются в рядах германской армии, а напротив, находятся, как все иностранцы, под строгим полицейским надзором. Это «куда следует», поясню я, значит в испанское посольство в Берлине для дальнейшего отправления в наше Министерство иностранных дел, а через посредство последнего в Министерство внутренних дел. Жена прибавляет, что документы ее «отправлены дальше», т.е., должно быть, отправлены испанским начальством в Петроград. Далее, прибавляет она, что «wir alle (т.е. не только сыновья, но и дочери с матерью во главе) müssen uns zweimal täglich in der Polizei melden, war oft sehr sauer ist; wir leben still und zurück gezogen, die Kinder nur ihrem Studium»²⁷. Полагаю, что означенные официальные документы уже давно в руках нашего Министерства внутренних дел; я бы только желал, чтобы узнали о них и Министерство народного просвещения, и «высокопоставленное лицо»²⁸. Если они (документы) не подействуют на Министерство внутренних дел, значит, оно руководилось при осуждении меня лишь предлогом и наказало меня за что-то для меня непонятное.

Кроме этого сейчас ничего нового не имею сообщить. Последнее мое заказное письмо отсюда от 29/IV, надеюсь, Вы получили. Вчера я задал Вам свой новый адрес; повторяю его здесь:

В г. Томск, Преображенская ул., д. 8, кв. 1, госпоже К.А. Чистяковой для Ф.И.К.

Желая Вам провести лето в тишине приятно,

Ваш вечно благодарный Ф. Кн.

²⁶ Новый стиль — имеется в виду григорианский календарь, которым к началу XX в. пользовалось большинство стран Европы и который был введен в России в 1918 г. Европейской дате письма жены Ф.И. Кнауэра в России соответствовала дата 11.IV.1915 г.

²⁷ Wir alle müssen uns zweimal täglich in der Polizei melden, war oft sehr sauer ist; wir leben still und zurück gezogen, die Kinder nur ihrem Studium (*нем.*) — «Мы все должны два раза в день отмечаться в полиции, которая часто очень сердита; мы живем тихо и замкнуто, дети только учатся».

²⁸ Имеется в виду вел. кн. Константин Константинович, о котором газеты писали: «высокопоставленное лицо... обратилось к гр. П.Н. Игнатьеву... с просьбой исходатайствовать облегчение участи» высланного Ф.И. Кнауэра (Киевлянин. 1915, 17 февраля) (см. выше, примеч. 5 к письму 1).

[Л. 10 — 11 об.]

Томск, Преображенская ул. 8 кв. 1

Госпоже К.А. Чистяковой для Ф.И.Кн. 1/VI 1915*

Многоуважаемый и дорогой Владимир Николаевич!

Ваше любезное письмо от 13/V успело меня найти в срок. Прочитав его с благодарностью за добрые слова, я снова убедился, что из заколдованного круга, в котором я нахожусь, ничего не получится. На что мне рукописи без моих остальных научных коллекций в виде бесчисленных карточек и проч., в которых разобраться никому не могу доверять, и без печатных пособий, представляющих из себя порядочную библиотеку? Мои рукописи лежали бы здесь как неживляемые мертвые души. Для того чтобы иметь все под рукою, чего мне нужно, я сам должен был бы поехать в Киев или же написать знакомым прислать все мои книги и рукописные материалы без всякого разбора. Но стоило бы это сделать при моем неопределенном положении? И кто покрыл бы мои долги за перевозку и новое, более дорогое помещение? Переслать одни рукописи в Академию наук имело бы смысл разве только после моей смерти; в настоящее время они находятся в безопасности и в Киеве, в большей, по крайней мере, чем если находились бы в Томске, где я веду своего рода кочующую жизнь: сегодня в одной, а завтра, быть может, в другой квартире, сегодня еще в «университетском» городе, а завтра, может быть, опять в каком-нибудь Каинске? Ведь один то Бог знает, что могут еще придумать, а может быть, и тоже не знает. Одним словом: я должен терпеливо выждать решения судьбы, хоть погибай!

За хорошее мнение Ольденбурга²⁹ — спасибо! Цытович³⁰ мне не дал никакого ответа. Зато я по совету здешнего профессора-юриста написал докладную записку на имя министра внутренних дел, которую юрист вполне одобрил. Она отправлена 20/V. В ней я изложил подробно всю историю моей печальной судьбы, указал между прочим и на то, что моя жена, как мне стало известно, послала удостоверенные документы (полагаю, через посредство испанского посольства в Берлине и Министерства иностранных дел) в Министерство внутренних дел о том, что сыновья не сражаются против нас, вообще не принимают никакого участия в военных делах ни прямо, ни косвенно и проч. (прибавил: если эти документы не дошли до места назначения, я просил бы навести справки, где нужно и возможно); отметил также, что я, воспользовавшись лишь тем, что дозволено законом, не могу считать себя преступником; заканчиваю: «Если я, несмотря на все изложенное, виноват в глазах администрации, то я, как мне думается, уже достаточно наказан. Поэтому я смею покорнейше просить Ваше высокопревосходительство сделать распоряжение о снятии ареста, наложенного на все, что имею (небольшие сбережения, пенсию, скромную мебель, книги, драгоценные рукописи и другие научные материалы), и разрешить мне по-прежнему учительствовать в Киеве, где я мог бы пользоваться своей и большой университетской библиотеками, а также окончить работу, которую я печатаю по поручению Академии наук». Затем я 23/V эту же самую докладную записку, опять с согласия юриста, переписал и послал министру народного просвещения для сведения, «ввиду воз-

²⁹ Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934) — востоковед, академик (1903), непреходящий секретарь ИАН (1904–1929).

³⁰ Цытович (Цитович) Николай Мартинианович (1861–1919) — правовед, экономист, статистик, ректор Киевского университета (1905–1917).

никших и могущих еще возникнуть недоразумений, как и возможных запросов», без всякой просьбы к нему с моей стороны. Юрист думает, что эта докладная записка вредить мне ни в каком случае не может, и питает даже некоторую надежду; сам я ничего не питаю, а хотел лишь очистить себя от возможного упрека, что сам я сложа руки ничего не предпринимал для спасения души своей.

Живу как мудрец в пустыне, уповая только на Бога; развлекаюсь иногда лишь в шахматной игре. Русские сибиряки замкнуты, не мешают другим, но и не интересуются ими. Поляки приветливы только тогда, когда говоришь по-польски. Немцы страшно перепуганы; даже Глейе стал бояться, вследствие чего я всячески стараюсь как можно реже встречаться с ним, чтобы своим знакомством не привести его в неловкое положение. Зато представьте себе мою великую радость: Ларин³¹ придет ко мне! Он желает летом работать под моим непосредственным руководством. Вчера я получил его письмо, адресованное в Каинск. Жаль, что он не писал раньше. От Вас он узнал мой Каинский адрес, воображает себе, что я живу еще в Каинске, поедет туда «около 1-го июля», своего адреса он мне не сообщил. Таким образом, я не могу приветствовать его даже телеграммой с указанием моего нынешнего адреса. Надеюсь, впрочем, что он успел повидаться с Вами до отъезда, Сонни тоже имеет мой новый адрес. Как ни рад я, но боюсь, что он будет иметь мало пользы от меня. Ведь у меня книг нет, и если он не взял с собою своих, то он напрасно приехал. Сделаю, конечно, все, что могу, готов даже внести 25-рублевый залог за пользование университетскими книгами, если таковые найдутся для нас. И вот буду иметь, наконец, занятия! Москва тоже обрадовала меня. Тамошняя моя русская приятельница прислала мне в подарок около 1000 папирос и вот мне приятные воспоминания о милой «России»!

Желая Вам приятно провести лето в своем *Tusculum*³² Ворзеле³³.
Весь Ваш Ф. Кн.

* Рядом помета карандашом рукой В.Н. Перетца: «Получ. 1915 VI.8.».

6

[Л. 12–13 об.]

Томск, 24/VI 1915

Преображенская ул. 8 кв. 1

Г-же К.А. Чистяковой для Ф.И.К.

Дорогой друг мой Владимир Николаевич!

Ваше письмо от 12 сего месяца аккуратно дошло до меня третьего дня. Сегодня я праздную полугодовую юбилей отцовского поневолия со стороны жандармской администрации, с благодарностью в душе, что она спасла меня от уличной расправы и

³¹ Ларин Борис Александрович (1893–1964) — лингвист, бывший студент Ф.И. Кнауэра в Киевском университете (1910–1914), оставленный им при кафедре сравнительного языковедения и санскрита для подготовки к магистерскому званию. Б. Ларина хорошо знал и В.Н. Перетц, который писал о нем К.Г. Залеману: «Запомните эту фамилию — будет хороший санскритист и зендист» (СПбФ АРАН-4. Д. 291. Л. 4 об.).

³² Тускул (*лат.* *Tusculum*) — древний город близ Рима, где на роскошных виллах отдыхали состоятельные римляне. Одна из таких вилл принадлежала Цицерону.

³³ Ворзель — поселок в 16 км от Киева, где семья Перетцев имела дачу и куда выезжала на лето.

т. под., в особенности же от усердных стараний сослуживцев окончательно погубить меня. Благодаря этому я теперь живу спокойно в центре сибирского мира, благодаренствую под бдительной опекою полиции и в сердцах праведных товарищей уже не вызываю возмущений мне на грех — при чистой совести спится хорошо. Утром встаю с безмолвной благодарственной молитвою к Богу за сохранение здоровья, пью кофе при чтении газеты, занимаюсь один час с Лариным языком, хожу по делам каких-то покупок, обедаем, ужинаем, а иногда и гуляем вместе с Лариным. И так протекает моя жизнь тихо, не тревожно. Есть, значит, за что благодарить! Рад, что и Вам живется хорошо. Опасения Ваши, что неприятные гости могут навестить Вас³⁴, совершенно напрасны: и им слишком далеко до Вас, и самим бы им чересчур дорого предпринять подобную поездку. Впрочем, если Вас неудержимо тянет дальше к востоку, то приезжайте к нам, милости просим!

Ларин прибыл уже 7/VI, к моей величайшей радости. Узнав заблаговременно, где я нахожусь, он мог миновать Каинск. В.П. Адрианову³⁵ в Москве не заметил, извиняется перед ней; впрочем, по английскому обычаю она должна была сделать первый шаг. Ларин должен был вести сильную борьбу с губернаторской властью: не хотели ему разрешить заниматься у меня! Храбрый юноша, однако, отстаивал свое и победил наконец. Теперь он мой комнатный сосед, занимается усердно; предписано не тревожить его. Кланяясь, он благодарит Вас за добрую память.

От Департамента полиции объявлено мне, что прошение мое на имя министра внутренних дел «препровождено на распоряжение Главного начальника Киевского военного округа»³⁶. Подписал вице-директор. Читал ли сам министр? Жаль, что не предвидел перемены, а то я подождал бы еще недельку со своим прошением³⁷. Боюсь, что оно будет оставлено без последствий, и хорошо еще, если не будет иметь дурных. Ответа нет, но как бы признаком ответа, пожалуй, может послужить то обстоятельство, что я на днях должен был подписать заявление, по которому поднадзорный должен какие-либо прошения представлять лишь через посредство местного губернатора, который, конечно, может и отказать в дальнейшем направлении. Видно, судьба моя решается в Киеве. До этого решения ничего не могу предпринимать, следовательно, и не перевезти свою библиотеку в Петроград, тем менее, что на нее наложен арест. Мысль Ваша сама по себе прекрасна, но пока невыполнима. Возникает целый ряд препятствий: среди моей библиотеки есть много хлама, не стоило бы перевозить его; далее с книгами следовало бы перевозить и мебель; правда, ее можно сжечь: она стара и неизлечимо больна, скончалась бы по дороге, но в Киеве она все-таки могла бы мне еще послужить. Главное же, что я с книгами должен буду ликвидировать и все остальное, а для этого я должен был бы присутствовать лично, а меж-

³⁴ По-видимому, речь идет об опасениях В.Н. Перетца, что и в столице ему могут вредить и мешать спокойно работать бывшие киевские коллеги — националисты и черносотенцы, с которыми у него были весьма натянутые отношения в период жизни на Украине (подробнее см.: Груздева 2015).

³⁵ Адрианова Варвара Павловна (1888–1972) — литературовед, преподаватель в женских учебных заведениях Киева. Знакомая Б.А. Ларина по занятиям в научном семинарии В.Н. Перетца.

³⁶ Получив письмо Ф.И. Кнауэра, В.Н. Перетц с возмущением комментировал: «Его прошение, поданное министру внутренних дел и министру народного просвещения с опровержением клеветы на него наших милых киевских „ученых“... — передано... на усмотрение начальника Киевского военного округа, того самого генерала Троцкого, который собственно и выслал бедного Ф.И., повесив лжи негодяев националистов» (СПбФ АРАН-4. Д. 291. Л. 3).

³⁷ 5 июня 1915 г. произошла смена в правительстве: после отставки Н.А. Маклакова пост министра внутренних дел занял князь Н.Б. Щербаков.

ду тем все под арестом, как я и сам прикован. Навязаться Петрограду без запроса тоже как-то так; ведь и там есть немало косо смотрящих [и рзб.]. Правда, не боялся бы их: но без приглашения на какие-нибудь доходные занятия немислимо для меня переехать, голодать могу везде. Лишь бы сняли секвестр и дали бы мне возможность жить где угодно, хотя бы под надзором; тогда мы пожили — увидели бы. Знаю Вашу всегдашнюю готовность помочь мне; но думаю, что мысль об одной перевозке книг пока надо оставить.

Оплакиваю кончину Константина Константиновича, благороднейшего человека³⁸.

Мстить за клевету я не намерен; «Киевскую мысль»³⁹, однако, я с некоторым удовольствием привлек бы к ответственности за то, что она первая напечатала неблаговидную ложь обо мне и моих сыновьях⁴⁰.

На днях я снова — и на этот раз письменно — обратился к здешнему ректору с просьбою разрешить мне пользоваться книгами университетской библиотеки. Готов был даже внести залог. Ответа он не дал. Я справился, наконец, лично у него; он объявил мне, что Совет решил отложить рассмотрение этого вопроса до осени!! Собственно вопрос этот не касается Совета; тем не менее, новая профессорская корпорация сочла нужным осудить меня⁴¹. Если это могло случиться в Сибири, чего же еще могу ожидать в «России»? Итак, я лишен возможности хотя бы лишь заглянуть в указанную библиотеку, есть ли там что-нибудь для меня или нет. Публичная библиотека закрыта по случаю ремонта, а следовательно, даже романов не могу читать. Магистр Глейе настолько струсился, что я ему возвратил все его книги и порвал с ним всякие отношения, чем он, по-видимому, был очень доволен. Жалкие существа кругом! Перерыл я местные книжные магазины и нашел для себя лишь маленькую брошюрку «Пособие для изучения урянхайского (сойотского) языка»⁴² (скелет грамматики и список слов без текстов); о других сибирских языках, о японском, китайском или других азиатских ничего не имеется тоже; нету ничего и по европейским языкам,

³⁸ Константин Константинович (Романов), великий князь (1858–1915) — президент ИАН (1889–1915), скончался 2 июня в своем загородном дворце в Павловске после тяжелой болезни.

³⁹ «Киевская мысль» — ежедневная либеральная литературно-публицистическая русскоязычная газета. Издавалась с 1906 г. До Первой мировой войны находилась в оппозиции правительству, была очень популярна и играла заметную роль в политической жизни страны. В годы войны заметно «поправела» и перешла на позиции оборончества.

⁴⁰ Напечатать опровержение на свою публикацию газета отказалась.

⁴¹ Ректор М.Ф. Попов в то же время (18 июня 1915 г.) обратился к Томскому губернатору с секретным запросом: «Проживающий в г. Томске заслуженный профессор Университета Св. Владимира в Киеве Фридрих Иванович Кнауэр обратился ко мне с прошением от 8 июня 1915 г. о разрешении ему пользоваться книгами университетской библиотеки. Ввиду циркулирующих в городе слухов, что Кнауэр будто бы выслан из Киева в связи с текущими военными событиями, я затруднился лично удовлетворить ходатайство его и передал названное прошение Кнауэра на рассмотрение Совета профессоров, каковой в заседании 8 июня с.г. постановил рассмотрение этого прошения отложить до осени. 16 июня с.г. профессор Кнауэр, явившись ко мне на прием, несмотря на объявленное ему постановление Совета, в настойчивой форме требовал разрешения пользоваться университетской библиотекой, мотивируя это тем, что он специально поселился в Томске для научных занятий. Ввиду изложенного имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сообщить мне, действительно ли проф. Кнауэр выслан из г. Киева и по каким основаниям, и если по политическим, то почему он живет в г. Томске и для какой цели» (ГАТО-1. Л. 36).

⁴² Вероятно, имеется в виду издание: *Суховский Н.И.* «Пособие для изучения урянхайского (сойотского) языка» (Минусинск, 1911), включающее краткий тувинско-русский словарь.

кроме немецкого, французского, чего-то английского и итальянской грамматики Гливенка⁴³: все школьные вещи. К счастью, от пастора получил древнееврейскую библию со старым словарем и еще старшей грамматикой. Вот завидное положение: могу дремать, спать, правда и одуреть.

Низкий поклон Неониле Ивановне⁴⁴.

Неизменно преданный Вам Ф.К.

7

[Л. 14–15]

25/VI 15

Многоуважаемый Владимир Николаевич!

Дополнительно к своему вчерашнему письму я имею просить Вас о следующем:

Предвижу, что мое прошение на имя министра внутренних дел, переданное «на рассмотрение» главному начальнику Киевского военного округа, будет оставлено без внимания, если не последует поощрение со стороны министра к дальнейшему движению моего дела. Но так как новый министр, наверное, ничего не знает об этом деле, то следовало бы обратить его внимание на мою докладную записку, пересланную Департаментом полиции в Киев, с просьбой снять секвестр и разрешить мне жить в Киеве. Познакомившись с нею лично, он мог бы сделать запрос, в каком положении находится оное дело и нельзя ли мне сократить срок ссылки. Иначе можно опасаться, не будет дан ход моему делу. Вчера я объяснил Вам, что я прямо уже не могу обратиться к министру с каким-нибудь прошением. Другое дело, если бы нашлись люди, которые имели бы доступ к нему и готовы были бы частным образом обратить его внимание на указанную докладную записку с просьбой и указать на мое крайне печальное, притом незаслуженное положение. Момент был бы удобен и в том отношении, что согласно газетным сообщениям, суровый и ярый товарищ министра внутренних дел Джунковский уходит⁴⁵. В Петрограде я никого не знаю, которого я мог бы просить принять на себя подобное поручение; но, может быть, Вы знаете такого рыцаря без страха и упрека, который согласился бы по Вашей просьбе сделать опасный шаг перед новым министром кн. Щербатовым⁴⁶. Вот, если бы Вы нашли возможным действовать в этом направлении в Петрограде, то это имело бы несравненно большее значение, чем возбуждение вопроса о перевозке моих книг, тем более что последний не может быть решен без снятия секвестра. Мечтать мне о жительстве в Киеве вряд ли приходится; но думать о снятии секвестра и прекращении сибирской ссылки я имею некоторое право. А впрочем, поступите как можете — сможете (*sic!*); если Вам кажется неудобным предпринять что-либо в указанном направлении, то и то будет хорошо.

⁴³ Гливенко И.И. Руководство к изучению итальянского языка. Киев, 1899.

⁴⁴ Неонила Ивановна Перетц (урожд. Арабажина) — жена В.Н. Перетца.

⁴⁵ Подобные заявления в газетах могли исходить от сторонников Г. Распутина, которые после доклада В.Ф. Джунковского о бесчинствах «друга» императрицы Николаю II (1 июня 1915 г.) приняли контрмеры с целью доказать несправедливость обвинений и добиться смены товарища министра. Отставка была объявлена 15 августа и для самого В.Ф. Джунковского стала неожиданностью (см.: Джунковский 1997: 568–570, 633).

⁴⁶ Щербатов Николай Борисович, князь (1868–1943) — землевладелец и коннозаводчик, министр внутренних дел с 5 июня по 26 сентября 1915 г.

Вчера сообщил Вам, что утром пью кофе, а теперь добавляю, что раньше пил чай. Этот чрезвычайно важный факт объясняется тем, что Ларин подарил мне кофейник со всеми принадлежностями, не исключая спирта, и вот теперь наслаждаюсь по утрам кофепитием, как по вечерам чаепитием.

Жарко — приятно; пошли дожди — не пыльно; надолго ли?
Кланяюсь, Весь Ваш Ф. Кн.

Список сокращений и аббревиатур

ВЖК (В.Ж.К.) — Высшие женские курсы
ИАН — Императорская Академия наук
МНП — Министерство народного просвещения
ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)
ОРЯС — Отделение русского языка и словесности

Литература

- ГАТО-1 — Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 77. Д. 1226.
ГАТО-2 — Государственный архив Томской области. Ф. 527. Оп. 1. Д. 695.
ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 465. Карт. 16. Ед. хр. 70.
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 35, 91.
РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 740. Оп. 18. Д. 34.
СПбФ АРАН-1 — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 164, 166.
СПбФ АРАН-2 — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 2. Оп. 1-1914. Д. 45, 46.
СПбФ АРАН-3 — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1065.
СПбФ АРАН-4 — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 87. Оп. 3. Д. 291, 1843.
СПбФ АРАН-5 — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1141.
СПбФ АРАН-6 — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 652.
СПбФ АРАН-7 — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 770. Оп. 2. Д. 57.
Груздева 2015 — *Груздева Е.Н.* Владимир Николаевич Перетц в Киеве. 1903–1914 (из переписки В.Н. Перетца с А.А. Шахматовым) // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: сб. статей к 150-летию со дня рождения / Отв. ред. О.Н. Крылова, М.Н. Приемьшева. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 150–166.
Джунковский 1997 — *Джунковский В.Ф.* Воспоминания: в 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. Т. 2.
Записка 1905 — Записка о нуждах просвещения // Всемирный вестник. 1905. № 4 (апрель). С. 171–187.
Кнауэр 2015 — *Кнауэр Ф.И.* Учебник санскритского языка. Грамматика. Хрестоматия. Словарь. 3-е изд., испр. и доп. / Ред. и прилож. М.Ю. Гасунса, предисл. И.А. Святополк-Четвертынского. М.: АБВ, 2015 (Bibliotheca Sanscritica. Т. 3).
Справа 2000 — Справа профессора Фридриха Кнауэра у 1914–1915 роках // Alma Mater. Університет св. Володимира напередодні та в добу української революції. 1917–1920. Матеріали, документи, спогади. Кн. 1. Університет св. Володимира між двома революціями. Київ: Прайм, 2000. С. 655–670.
Черказьянова 2008 — *Черказьянова И.В.* Немцы — российские ученые в годы Первой мировой войны: эпизоды из истории Академии наук // Вопросы германской истории: сб. науч. трудов / Под ред. С.И. Бобылевой. Днепропетровск: Изд-во ДНУ, 2008. С. 23–33.
Черказьянова 2015 — *Черказьянова И.В.* Антинемецкие настроения в университетском сообществе и судьба профессора Ф.И. Кнауэра // Вісник Одеського Історико-Красназнавчого Музею. 2015. Вип. 14. С. 24–30.

- Черказьянова URL — Черказьянова И.В. Кнауэр (Knauer) Фридрих (Федор) Иванович (1849–1917), санскритолог, доктор сравнительного языкознания // Новая иллюстрированная электронная энциклопедия немцев России (НИЭЭНР). URL: <http://www.enc.rusdeutsch.ru/articles/3632>.
- Čerkaz'janova 2013 — Čerkaz'janova I. Das Abreißen der russisch-deutschen Wissenschaftskontakte während des Ersten Weltkriegs und ihre Wiederaufnahme zu Beginn der 1920er Jahre // Besetzt, interniert, deportiert. Der Erste Weltkrieg und die deutsche, jüdische, polnische und ukrainische Zivilbevölkerung im östlichen Europa / Hrsg. v. Alfred Eisfeld, Guido Hausmann und Dietmar Neutatz. Essen: Klartext-Verlag 2013. S. 351–371.

References

- Cherkaz'ianova I.V. “Antinemetskie nastroeniia v universitetskom soobshchestve i sud'ba professora F.I. Knauera” [Anti-German Sentiments in the University Community and the Fate of Professor F.I. Knauer]. *Visnik Odes'kogo Istoriko-Kraeznavchogo Muzeiu*, 2015, vyp. 14, pp. 24–30 (in Russian).
- Cherkaz'ianova I.V. “Knauer (Knauer) Friedrich (Fedor) Ivanovich (1849–1917), sanskritolog, doktor sravnitel'nogo iazykoznanii” [Knauer Friedrich (Fiodor) Ivanovich (1849–1917), Sanskrit scholar, DPhil in Comparative Philology]. In: *Novaia illiustrirovannaia elektronnaia entsiklopediia nemtsev Rossii*. [Online] Available from: <http://www.enc.rusdeutsch.ru/articles/3632> (in Russian).
- Cherkaz'ianova I.V. “Nemtsy — rossiiskie uchenyie v gody Pervoi mirovoi voiny: epizody iz istorii Akademii nauk” [Russian scientists of German descent during World War I: episodes in the history of the Academy of Sciences]. In: *Voprosy germanskoi istorii: sb. nauch. trudov*. Pod red. S.I. Bobylevoi. Dnepropetrovsk: Izd-vo DNU, 2008, pp. 23–33 (in Russian).
- Čerkaz'janova I. “Das Abreißen der russisch-deutschen Wissenschaftskontakte während des Ersten Weltkriegs und ihre Wiederaufnahme zu Beginn der 1920er Jahre”. *Besetzt, interniert, deportiert. Der Erste Weltkrieg und die deutsche, jüdische, polnische und ukrainische Zivilbevölkerung im östlichen Europa*. Hrsg. v. Alfred Eisfeld, Guido Hausmann und Dietmar Neutatz. Essen: Klartext-Verlag, 2013, pp. 351–371 (in German).
- Dzhunkovskii V.F. *Vospominaniia: v 2 t.* [Memoirs: in 2 vols]. Moscow: Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh, 1997, t. 2 (in Russian).
- Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti. F. 3. Op. 77. D. 1226 [The State Archive of Tomsk Region. Fund 3. Inv. 77. D. 1226] (in Russian).
- Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti. F. 527. Op. 1. D. 695 [The State Archive of Tomsk Region. Fund 527. Inv. 1. D. 695] (in Russian).
- Gruzdeva E.N. “Vladimir Nikolaievich Perets v Kieve. 1903–1914 (iz perepiski V.N. Peretsa s A.A. Shakhmatovym)” [Vladimir Perets in Kiev. 1903–1914 (Extract from the correspondence of V.N. Peretz with A.A. Shakhmatov)]. In: *Akademik A.A. Shakhmatov: zhizn', tvorchestvo, nauchnoie nasledie: sb. statei k 150-letiiu so dnia rozhdeniia*. Otv. red. O.N. Krylova, M.N. Priemysheva. St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2015, pp. 150–166 (in Russian).
- Knauer F. *Uchebnyk sanskritskago iazyka. Grammatika. Chrestomatiia. Slovar'. 3-e izd., ispr. i dop.* Red. i prilozh. M.Yu. Gasunsa, predisl. I.A. Sviatopolk-Chetvertynskogo. [Sanskrit Textbook. Grammar. Reader. Dictionary. 3rd rev. & ext. ed. Ed. by M.Yu. Gasuns, I.A. Svyatopolk-Chetvertynskiy]. Moscow: ABV, 2015 (Bibliotheca Sanscritica, t. 3) (in Russian).
- Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki. F. 465. Kart. 16. Ed. khr. 70 [Manuscripts Department of the National Library of Russia. Fund 465. Kart. 16. Un. 70] (in Russian).
- “Sprava professora Fridricha Knauera u 1914–1915 rokakh” [The Case of Professor Friedrich Knauer in 1914–1915] In: *Alma Mater. Universitet sv. Volodimira naperedodni ta v dobu ukrain'skoi revolyucii. 1917–1920. Materiali, dokumenti, spogadi*. Kn. 1. Universitet sv. Volodimira mizh dvoma revoliutsiiami. Kiev: Praim, 2000, pp. 655–670 (in Ukrainian).
- Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva. F. 1277. Op. 1. D. 35, 91 [The Russian State Archive of Literature and Art. Fund 1277. Inv. 1. D. 35, 91] (in Russian).
- Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv. F. 740. Op. 18. D. 34 [Russian State Historical Archive. Fund 740. Inv. 18. D. 34] (in Russian).

- Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva RAN. F. 1. Op. 1a. D. 164, 166 [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. Inv. 1a. D. 164, 166] (in Russian).
- Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva RAN. F. 2. Op. 1-1914. D. 45, 46 [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 2. Inv. 1-1914. D. 45, 46] (in Russian).
- Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva RAN. F. 9. Op. 1. D. 1065 [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 9. Inv. 1. D. 1065] (in Russian).
- Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva RAN. F. 87. Op. 3. D. 291, 1843 [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 87. Inv. 3. D. 291, 1843] (in Russian).
- Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva RAN. F. 134. Op. 3. D. 1141 [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 134. Inv. 3. D. 1141] (in Russian).
- Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva RAN. F. 208. Op. 3. D. 652. [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 3208. Inv. 3. D. 652] (in Russian).
- Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva RAN. F. 770. Op. 2. D. 57. [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 770. Inv. 2. D. 57] (in Russian).
- “Zapiska o nuzhdakh prosveshcheniya” [Report on the Needs of Education] In: *Vsemirnyi vestnik*. 1905, no. 4 (aprel’), pp. 171–187 (in Russian).

“I’m Doing Well in the Center of Siberian World under Strict Police Supervision...”: F.I. Knauer’ Letters from His Tomsk Exile in 1915–1917

Preface, publication and commentaries by Elena N. Gruzdeva
Part 1 (letters 1–7)

(Pis’mennye pamiatniki Vostoka, 2020, volume 17, no. 2 (issue 41), pp. 137–156)
 Received 06.07.2020.

Elena N. Gruzdeva

St. Petersburg Branch of the Archive of RAS (SPbB ARAS); Universitetskaia naberezhnaia 1, St. Petersburg, 199034 Russian Federation.

The article introduces the letters of the Professor of Kiev University, Sanskrit scholar Fyodor Ivanovich (Friedrich) Knauer (1849–1917) sent by him to his colleague, philologist Vladimir Nikolaevich Peretz. They are now housed at the Personal Fund of V.N. Peretz in the Russian State Archive of Literature and Art (RGALI. Fond 1277. Inv. 1. F. 35). This set of letters is undoubtedly of great importance because, among other things, we have no other surviving epistolary heritage of the scholar. Revealing the author’s personality, the letters (there are only 21 of them) acquaint us to some extent with his inner world. Until recently, F.I. Knauer’s biography, especially the years of his exile, was full of blank spots which we can finally fill. The entire sequence of events relating to Knauer’s arrest, up to his arrival in Tomsk and life in Siberia, is presented by him as an uninterrupted narrative. The letters give us an idea of relations between the scholar, when he was out of favor, and his colleagues, friends, common people, local and higher authorities. They provide reliable documentary evidence of the terrible misfortune of a sincere person, who fell a victim to a complicated political period. The letters may also be regarded as sketches of Siberians’ everyday life.

The present article includes 7 letters out of 21, the others are to be published in the next issue of the Journal.

Key words: epistolary heritage, Sanskrit scholar F.I. Knauer, anti-German sentiment of 1914, political exile, Tomsk, Academy of Sciences, V.N. Peretz.

About the author:

Elena N. Gruzdeva, Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the St. Petersburg Branch of the Archive of RAS (elgru@rambler.ru).